

4. Bogdanovich N. V *Ponyatiya subektnosti i subektivnosti v kontekste kategorii "subject"* [The notion of subjectivity and subjectivity in the context of the category of "subject"]. Available at: http://www.superinf.ru/view_helpstud.php?id=3972.
5. Volodina L. V. *Konstruirovaniye realnosti sredstvami massovoy kommunikatsii* [The construction of reality by means of mass communication]. *Rossiyskaya massovaya kultura kontsa XX veka*. St. Petersburg, 2001, pp. 27–29.
6. Derjabo S. *Ot subektivnosti k subektnosti* [From subjectivity to subjectness]. *Razvitie lichnosti*, 2002, no. 3, pp. 261–265.
7. Dudenkova I. "Detskiy vopros" v sotsiologii: mezhdru normativnostyu i avtonomiyey ["Children's question" in sociology: between normative and autonomy]. *Sotsiologiya vlasti*, 2014, no. 3, pp. 47–59.
8. Ilin A. N. *Subtekt v massovoy kulture sovremennogo obshchestva potrebleniya (na materiale kitch-kultury)* [The subject in the popular culture of modern consumer society (based on the kitsch culture)]. Omsk, 2010, 376 p.
9. Landje D. V. *Poisk znaniy v Internet* [Knowledge Search in Internet]. Moscow, 2005, 272 p.
10. Lengler O. A. *Subektnost cheloveka: psihologo-pedagogicheskie osnovy* [Human Subjectness: psycho-pedagogical bases]. *Molodoy uchenyy*, 2012, no. 11, pp. 440–442.
11. Omelyanenko L. A. *Razvitie subektnykh funktsiy uchashchikhsya v sisteme razvivayushchego obucheniya* [The development of subjectiveness functions of pupils in system of developing training]. Samara, 2003, p. 18.
12. Rozin V. M. *Opyt metodologicheskogo osmysleniya kategorii "subekt"* [Experience of methodological comprehension category "subject"]. Moscow, 2001, 288 p.
13. Rubinshteyn S. L. *Osnovy obshchey psihologii* [Fundamentals of General Psychology]. St. Petersburg, 2002, 720 p.
14. Sayko Ye. V. *Subekt deystviya v realizatsii "soznatel'nogo sushchestvovaniya bytiya" i formirovaniy istoricheskogo soderzhaniya sotsialnoy evolyutsii* [The subject of action in implementing the "conscious existence of being" and the formation of social evolution istoriya.soderzhaniya]. Moscow – Voronezh, 2001, 288 p.

ИДЕОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

Смирнова Елизавета Валерьевна, аспирант

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ломоносовский пр-т, 27, к. 4

E-mail: ev-philos@yandex.ru

Статья посвящена проблеме определения идеологии. Автор показывает, что, несмотря на то, что термин «идеология» является одним из самых популярных в социальной науке и политической практике, до сих пор отсутствует его единое определение. В статье приведено большое количество различных дефиниций идеологии, показано, что они плохо совместимы друг с другом. Чтобы внести ясность в данный вопрос, анализируется место идеологии в системе общественного сознания. Автор опирается на представление об общественном сознании как о системе ориентационной (понимающей, познающей и оценивающей мир) и проектной (создающей новые объекты в мире) подсистем. Показано, что идеология одновременно является формой обеих подсистем общественного сознания. В связи с этим приводится критика концепции «иллюзорного сознания», продемонстрировано, что проектная часть идеологического содержания не подлежит процедуре гносеологической верификации. Кроме того, показано, что важную роль в идеологии играет ценностная компонента. Анализируется вопрос возможности гносеологической верификации ценностных суждений. В статье обосновано, что идеология непременно обладает политическим содержанием, предлагается ее определение в качестве вида духовной деятельности (и, одновременно, продуктов этой деятельности), имеющего целью легитимацию того или иного политико-правового режима и/или программ его изменения.

Ключевые слова: духовная деятельность, идеология, идеологическое сознание, «иллюзорное сознание», общественное сознание, ориентационное сознание, оценки, проектное сознание, политика ценностные суждения

IDEOLOGY IN THE SYSTEM OF THE PUBLIC CONSCIOUSNESS

Smirnova Elizaveta V., postgraduate student
Lomonosov Moscow State University
4/27 Lomonosovskiy Ave., Moscow, 119991, Russian Federation

The article is devoted to the problem of defining ideology. The author shows that, despite the fact that the term “ideology” is one of the most popular in social science and political practice, we still don't have unified definition of it. The author describes a number of different definitions of ideology, shows that they are poorly compatible with each other. To clarify this problem, author analyses the place of ideology in the public consciousness. The author relies on the notion of public consciousness as a system of orientation (that aims to understand the world) and project (that creates new objects in the world) subsystems. It is shown that ideology is both a form of the two subsystems of public consciousness. In this regard, author provides a critique of the concept of “false consciousness”, showing that the design subsystem of the ideological content can not be a subject to the procedure for epistemological verification. In addition, the value component plays the important role in ideology. In article is examined the question of possibility of epistemological verification of value judgments. In the article is proved that the ideology necessary has a political content, author proposes its definition as a form of spiritual activity (and, at the same time, the products of this activity), with the purpose of legitimization of particular political regime and/or programmes of change.

Keywords: spiritual activity, ideology, an ideological consciousness “false consciousness”, public consciousness, values, orientation consciousness, project consciousness, politics, value judgments

Термин «идеология» является одним из самых широко используемых в политическом и научном дискурсах, и, тем не менее, до сих пор не существует его общепринятого определения. Можно сказать, что это понятие является одним из самых сложных и противоречивых во всей социальной науке. Английский политический философ Д. Маклеллан называл его «самым неуловимым концептом во всей социальной науке» [2, с. 1]. Существующие в современной научной среде трудности с формулировкой понятия идеологии отчасти связаны с тем, что как явление социальной жизни она находится в постоянном развитии и становлении, ее роль, проявления и способы функционирования постоянно меняются. К примеру, в связи с развитием науки и СМИ в XX в. способы идеологической пропаганды изменились настолько радикально, а идеология научилась функционировать настолько незаметно, что многие исследователи и вовсе приняли эти изменения за «смерть» идеологии. Так, в середине XX в. на Западе начали активно создаваться различного рода концепции деидеологизации.

На данный момент существует огромное количество различных дефиниций идеологии. К примеру, Т. Иглтон приводит следующие определения, по его мнению, наиболее популярные в западной социальной мысли: «1) процесс производства смыслов, знаков и ценностей в социальной жизни; 2) совокупность идей, характерных для определенной социальной группы или класса; 3) идеи, помогающие легитимировать доминирующую политическую власть; 4) ложные идеи, помогающие легитимировать доминирующую политическую власть; 5) систематически искажаемая коммуникация; 6) нечто, что формирует позицию субъекта; 7) формы мышления, мотивированные социальными интересами; 8) социально-необходимая иллюзия; 9) конъюнктура дискурса и власти; 10) медиум, с помощью которого сознательные социальные акторы придают смысл своему миру; 11) ориентированные на действия наборы верований; 12) смещение языковых и феноменологических реальностей; 13) процесс превращения социальных идей в действительную реальность и др.» [1, с. 1–2].

Большинство из приведенного нами множества определений идеологии плохо совместимы друг с другом. К примеру, понимание идеологии как «совокупности идей, характерных для определенной социальной группы или класса» может противоречить ее пониманию в качестве «идей, помогающих легитимировать доминирующую политическую власть», поскольку идеи, характеризующую какую-либо соци-

альную группу, вовсе необязательно должны служить легитимации доминирующей политической власти.

Таким образом, существующие трактовки идеологии настолько разные и противоречивые, что, если бы мы хотели решить проблему определения идеологии путем объединения их в единое синтетическое целое, наши попытки не увенчались бы успехом. Хотя теоретики открыто говорят о своих затруднениях в концептуализации понятия идеологии, оно продолжает широко использоваться в политической практике и социальной науке. Не представляется возможным, чтобы этот термин пропал из политического и научного дискурса. Поэтому необходимо определить место, которое идеология занимает в обществе, выявить ее сущностные черты, понять выполняемые ей общественные функции.

Первое, что следует сказать про идеологию, это что она является определенной формой духовной деятельности и, одновременно, частью общественного сознания, этой деятельностью производимого. Под духовной деятельностью мы понимаем особый вид человеческой активности, отличной от социальной практики. Если практическая деятельность ставит своей целью физическое изменение природной и социальной среды, окружающей и охватывающей человека, то деятельность духовная призвана создавать знаково-символические объекты, изменяющие не сам мир, а человеческое представление о мире.

В данной работе под общественным сознанием мы будем понимать совокупность процессов и продуктов духовной деятельности людей. Историю представления об общественном сознании принято начинать с построений Г. Гегеля, говорившего о нем как об одной из инкорнаций Абсолютного Духа. Данный феномен изучал и К. Маркс, положивший в основу своей теории тезис об определяющей роли общественного бытия в отношении общественного сознания. Понятие общественного сознания затем широко развивалось в рамках марксистской традиции. В частности, А.А. Богданов отождествлял идеологию, общественное сознание и духовную культуру, использовал эти понятия как синонимы [6, с. 9–10]. Однако идеология является только частью культуры, частью общественного сознания.

Общественное сознание обладает сложной структурой. Существуют разные представления об этой структуре. К примеру, советские ученые выделяли идеологию в качестве одного из уровней общественного сознания наряду с общественной психологией. При этом последняя понималась как совокупность чувств, настроений, побуждений, характерных для данного общества в целом и для каждой из больших социальных групп, а общественная идеология как система теоретических взглядов, отражающая степень познания обществом мира в целом и отдельных его сторон. В таком понимании она представляет собой новый уровень общественного сознания — уровень теоретического отражения мира [11]. Отношение между общественной психологией и общественной идеологией в таком случае рассматривается как отношение между рациональным и чувственным уровнями общественного сознания.

Данная трактовка идеологии (даже с оговоркой на то, что речь идет об идеологии «в широком смысле») неверна. Понимание идеологии в качестве теоретического уровня общественного сознания подразумевает, будто она по сути своей рациональна. Однако идеология в отличие от науки включает в свой состав постулаты, которые необходимо принять на веру, недоказанные и недоказуемые утверждения. Идеология часто действует не посредством рациональных убеждений и построений (как ей предписывала бы делать такая позиция), а воздействует на неосознаваемые чувства людей, реализует себя как раз на самом обыденном, дотеоретическом уровне.

К.Х. Момджян показывает, что общественное сознание представляет собой сложный синтез проектного и ориентационного сознания. Функцией ориентационной подсистемы является понимание реально существующего мира, его познание и оценка. Задача проектной подсистемы иная — создавать новое в этом мире, менять его, конструировать объекты, которых пока в мире нет, но которые должны быть в нем, чтобы жизнь людей оказалась возможной и комфортной [13, с. 53].

В основе такой позиции лежит предложенное еще Г.В.Ф. Гегелем различие между теоретическим и практическим сознаниями. Гегель пишет: «Во взаимоотношениях с предметом *Я* бывает 1) *пассивным*, а предмет – причиной определений во мне. В этом случае имеющиеся во мне определенные представления появляются оттого, что непосредственно наличные предметы производят на меня какое-то впечатление. Это и есть *теоретическое* сознание <...> 2) противоположным образом проявляет себя *Я* как *практическое* сознание, когда нужно, чтобы определения *Я* не оставались только определениями его представления и мышления, а сделались внешне существующими. Тут я уже определяю вещи, я являюсь причиной изменений данных предметов» [8, с. 7–8]. Теоретическое сознание, по Гегелю, осмысливает налично данную реальность, создает ее идеальные модели, оставляя саму реальность неизменной. Сознание практическое, напротив, обладает способностью перетекать из идеального в реальное, создавая наличные формы бытия, существовавшие ранее в качестве идеального проекта.

В данном случае термин «теоретическое сознание» также не слишком удачен для характеристики ориентационных форм духовной деятельности, поскольку далеко не все они могут быть охарактеризованы как теоретические в общепринятом значении этого слова. Тем не менее, само различение выделенных Гегелем форм сознания (и порождающих их форм духовной деятельности) является крайне продуктивным для анализа феномена общественного сознания и, в частности, места, занимаемого в нем идеологией.

Объективное различие между ориентационной и проектной формами духовной практики не означает, что они не в состоянии исполнять альтернативные функции. К примеру, искусство, которое является видом духовной деятельности, создающей мир по законам красоты, способно давать людям важные знания о мире и самих себе, хотя эта функция не является для искусства системообразующей. Точно также, наука, являющаяся важнейшей формой ориентации человека в мире, не может не использовать формы духовного проектирования, создавая концептуальные объекты, не имеющие аналогов в окружающем нас мире (понятие «общественно-экономическая формация» и т.д.). Идеология является одновременно формой и ориентационного и проектного сознания. Она не только творит различного рода проекты, создает модели обществ, утопии, идеалы и пр., но и занимается описанием, осмыслением и оценкой действительности. И хотя познание действительности не является определяющей функцией для идеологии, тем не менее, конечный успех идеологических проектов часто зависит от адекватности изначального описания реальности.

Идеология как часть ориентационного сознания не только познает, но и осознает окружающую действительность: состоит не только из фактических, но и из оценочных суждений, суждений, соотносящих объекты оценки с потребностями и интересами оценивающего субъекта. Важно отметить, что в то же время как оценочные суждения составляют только часть данного уровня идеологии, идеологические оценки в свою очередь являются лишь одним видом оценочных суждений (наряду с моральными, эстетическими, религиозными и др.). Идеологическое сознание не является исключительно ценностным, но и ценностное сознание не является только идеологическим.

Вопрос гносеологического статуса ценностных суждений давно волнует философов. Еще английский философ Д. Юм утверждал, что необходимо отличать суждения факта и суждения долга (прескриптивные, внеистинностные суждения). Впоследствии этот принцип получил развитие в учении И. Канта. Оценивание, осознание мира стремится ответить на два из трех вопросов, которые И. Кант считал предметообразующими для философии: «Что я должен делать?», «На что я смею надеяться?» [9, с. 588] (первый из вопросов кантовской триады «Что я могу знать?» относится к компетенции познания, а не осознания мира). Неокантианцы, в частности, Г. Риккерт продолжали заниматься проблемой статуса ценностных суждений. Много внимания уделял разработке учения об оценках и М. Вебер (под оценками он пони-

мал особый тип суждений, выражающих личные предпочтения человека, которые неправомерно рассматривать с точки зрения истинности или ложности). Профессиональный ученый, по его мнению, хотя и не может полностью отказаться от оценок того или иного рода, все-таки должен постоянно отделять их от своих научных знаний, истинность которых он может доказывать научными методами. Этот принцип Вебер называл «принципом интеллектуальной честности» [7, с. 548–549].

В идеологии ценностная компонента играет настолько важную роль, что и речи не идет об освобождении идеологии от ценностных суждений. Поэтому вопрос возможности их верификации напрямую связан с вопросом возможности верификации идеологического содержания и правомерности определения данного феномена в качестве «иллюзорного сознания» (подобная традиция берет начало еще с построений К. Маркса и Ф. Энгельса). Как показывает К.Х. Момджян, необходимо выделять два вида ценностных суждений: суждения ценности, не поддающиеся гносеологической верификации и суждения значимости, которые верифицировать возможно [13, с. 73]. Касательно идеологии, в первом случае она предлагает «ценности как цели», то есть некие конечные смыслы человеческой жизни и существования, в этом смысле она не может быть подвергнута проверке на истинность или ложность. Во втором – «ценности как средства», идеология предлагает пути достижения тех самых конечных целей, утверждения этого рода могут быть верифицированы, оценены как верные или неверные. К примеру, мы не можем верифицировать утверждение той или иной идеологии о том, что высшей ценностью является социальная справедливость. Но оценить в качестве верных или неверных предлагаемые ей средства достижения этой цели (к примеру, отказ от частной собственности в случае марксизма), а также оценивать идеологические программы с точки зрения их правильности, соответствия поставленным целям, мы уже можем [13, с. 1]. Таким образом, гносеологическая верификация возможна только относительно части идеологического содержания.

Важно, что идеология представляет собой ту часть общественного сознания, которая неминуемо политична по своей природе. Существует даже определение идеологии в качестве любого вида пересечения между системами верований и политической властью [3, с. 11]. Идеология всегда предлагает вариант некоего «хорошего» политического устройства общества. Никакие системы идей не будут являться идеологиями, если они не относятся к сфере политического.

Утверждение политической природы идеологии позволяет вынести за пределы идеологического сознания вопросы о допустимости абортов, эвтаназии и пр., несмотря на то, что в бытовой лексике подобные вопросы часто называют идеологическими. Впрочем, можно отметить, что, к примеру, М. Фуко утверждал, что вся наша жизнь пронизана политической властью, что политика связана не только с функционированием государства, а незаметно вплетена в частную жизнь людей и малейшие ее проявления. Представление о том, что политика пронизывает все проявления социальной жизни, утверждает себя во всех проявлениях общественной деятельности, вынудило бы нас расширить понятие идеологии, практически приравняв его к духовной культуре. Стоит отметить, что Фуко термин «идеология» практически и не использует, предпочитая говорить о политическом «дискурсе». В данной работе мы исходим из того, что далеко не все в общественной жизни и в общественном сознании является политическим. Поэтому идеология для нас будет являться только частью культуры. Под политикой мы понимаем определенный тип организационной деятельности. В отличие от коммуникативной деятельности политическая подразумевает не только создание связей между людьми, но и их властную регуляцию. Кроме того, политическая деятельность подразумевает создание и регуляцию связей в самодостаточных группах (в этом смысле она отличается от административной деятельности, которая представляет собой социальное управление несамодостаточными группами людей).

Для определения сути идеологии недостаточно показать, что она является определенным видом духовной практики, непременно политическим по своему содержанию.

нию. Идеология представляет собой не просто определенную форму сознания, форму духовного производства, ее целью всегда является достижение конкретных общественных целей. Представляя собой духовное образование, идеология всегда имеет сугубо практическое назначение, и в этом ее важное отличие от других форм духовной деятельности. Она служит достижению целей людей, воплощается и реализуется через их политическую деятельность, в различных социальных практиках. К примеру, Л. Альтюссер утверждает, что идеология всегда существует «в некоем аппарате (государственном, прим. автора), в его практической деятельности или практиках» [4]. Философ отмечает, что каждый человек, имея тот или иной набор ценностей или идей, неминуемо будет действовать в соответствии с ними. Таким образом, он приходит к выводу, что, несмотря на то, что идеология очевидно отлична от объектов физической реальности, в некотором смысле она все-таки обладает материальным существованием. Действительно, идеологические идеи создаются для того, чтобы быть воплощенными в жизнь, цели ставятся для того, чтобы быть достигнутыми (впрочем, стоит отметить, что наличие подобной интенции еще не является гарантом того, что они действительно будут воплощены и достигнуты).

Наиболее перспективным для понимания идеологии в качестве феномена общественной жизни является выделение ее функций. Несмотря на то, что ни один социальный феномен не может быть понят вне своих функций, для понимания идеологии функциональный анализ особенно важен. Это связано с тем, что она существует в истории в самых различных формах. К примеру, говорят об идеологическом содержании научных теорий и различных произведений искусства. В данном случае объединяющим эти различные проявления идеологии будет не их форма или строение, а именно функциональная направленность. Часто идеология остается и вовсе невидимой, неинституционализированной общественной силой. Идеологическое воздействие происходит неявно, некоторые исследователи даже утверждают, что идеология может реализовываться через деятельность людей без того, чтобы они отдавали себе сознательный отчет в этом. Р. Барт, к примеру, писал о феномене «анонимной идеологии» [5, с. 265]. «Неуловимость» идеологии является одной из причин, почему концептуализация этого феномена требует тщательного анализа его социальных функций.

Ключевой определяющей функцией идеологии является функция легитимации социально-экономического и общественно-политического строя и/или программ его изменения. Часто в социальной мысли встречается понимание идеологии в качестве силы, направленной на легитимацию доминирующей в настоящее время власти. В таком смысле система идей, направленная на свержение имеющейся власти и установление нового строя, идеологией не является. Корни подобных утверждений идут еще к теории К. Манхейма. Именно по признаку отношения к доминирующей власти философ различал идеологию и утопию. Получалось, что идеология направлена на поддержание существующей власти, а утопия на ее свержение. В таком случае то или иное политическое движение становится идеологическим или перестает им быть в зависимости от того, удастся ли ему завоевать власть или же оно терпит в этом поражение. Манхейм сам признавал, что идеологии постоянно становятся утопиями и наоборот, поэтому сложно окончательно разграничить эти два понятия. Мы предлагаем вынести вопрос о том, принадлежит та или иная система идей правящим группам или оппозиции, за скобки, деление на идеологию и утопию кажется нам избыточным.

Форма духовной практики может являться или не являться идеологией, независимо от того, оправдывает она уже существующий режим или же призывает свергнуть его и установить новый. Безусловно, обычно к числу наиболее значимых идеологий относят те, которыми руководствовались господствовавшие в обществе социальные силы. Однако это дает нам основания отказать идеологиям, которые у власти никогда не были (а, возможно, никогда и не будут) в их значительности, но не в праве называться идеологиями.

Таким образом, мы предлагаем понимание идеологии в качестве части одновременно проектной и ориентационной подсистем общественного сознания, обладаю-

шей политическим содержанием. Идеология представляет собой определенную форму духовной деятельности (и, одновременно, продуктов этой деятельности), характеризующейся выполнением своей основной функции легитимации того или иного политико-правового режима и/или программ его изменения. Подобный подход в отличие от концепции «иллюзорного сознания», делающего акцент на познавательном потенциале идеологии, не ведет к формированию отрицательного, негативного отношения к данному феномену. Понимание социального потенциала идеологии очень важно в современном мире. Мы утверждаем, что определяющей для идеологии является ее способность моделировать социальную реальность в целях ее изменения. Таким образом, мы делаем акцент на ее рассмотрении в качестве организующей общественной силы, способной выступать как апологетом существующего порядка, так и его противником, на ее функциональном понимании. С этого ракурса идеология не может быть оценена как истинная или ложная. Конечно, чтобы успешно выполнять свою социальную роль, идеологии необходимо суметь сначала отразить социальную реальность (что лишний раз тесную взаимосвязь проектного и рефлексивного уровней идеологического сознания), и на данном уровне процедура гносеологической верификации к идеологическому содержанию вполне правомерна.

Список литературы

1. Eagleton T. *Ideology: an introduction*. London – New York, 1991. 242 p.
2. McLellan D. *Ideology*. Minneapolis : University Minneapolis Press, 1986. 99 p.
3. Seliger M. *Ideology and Politics*, London, 1976. 352 p.
4. Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования). Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/al3.html>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус.
5. Барт Р. Мифологии. Москва, 1996. 313 с.
6. Богданов А. А. Наука об общественном сознании. Краткий курс идеологической науки в вопросах и ответах. Москва, 1914. 203 с.
7. Вебер М. Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке // Вебер М. Избранные произведения. Москва, 1990. 808 с.
8. Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет. Москва, 1971. Т. 2. 630 с.
9. Кант И. Собрание сочинений : в 8 т. Москва : Чоро, 1994. Т. 3. 740 с.
10. Крапивенский С. Социальная философия. Режим доступа: <http://eurasianland.ru/txt/sotsio/117.html>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус.
11. Манхейм К. Идеология и утопия. Москва, 1992. Ч. 1. 245 с.
12. Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Москва, 1954. Т. 1. 699 с.
13. Момджян К. Х. Социальная философия. Деятельностный подход к анализу человека, общества, истории. Москва, 2013. 400 с.
14. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. Москва, 1999. 478 с.
15. Юм Д. Трактат о человеческой природе. Москва, 1996. 733 с.

References

1. Eagleton T. *Ideology: an introduction*. London – New York, 1991, 242 p.
2. McLellan D. *Ideology*. Minneapolis, University Minneapolis Press, 1986, 99 p.
3. Seliger M. *Ideology and Politics*, London, 1976, 352 p.
4. Althusser L. *Ideologiya i ideologicheskie apparaty gosudarstva (zametki dlya issledovaniya)* [Ideology and ideological state apparatuses (notes for research)]. Available at <http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/al3.html>.
5. Bart R. *Mifologii* [Mythologies]. Moscow, 1996, 313 p.
6. Bogdanov A. A. *Nauka ob obshchestvennom soznanii. Kratkiy kurs ideologicheskoy nauki v voprosakh i otvetakh* [The science of social consciousness. A short course of ideological science in questions and answers]. Moscow, 1914, 203 p.
7. Weber M. Smysl "svobody ot otsenki" v sotsiologicheskoy i ekonomicheskoy nauke [The meaning of "freedom from evaluation" in sociological and economic science]. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow, 1990, 808 p.
8. Hegel G. W. F. *Raboty raznykh let* [Works of different years]. Moscow, 1971, vol. 2, 630 p.

9. Kant I. *Sobranie sochineniy: in 8 vol.* [Collected works: in 8 vol.]. Moscow, Choro Publ., 1994, vol. 3, 740 p.
10. Krapivenskiy S. *Sotsialnaya filosofiya* [Social philosophy]. Available at <http://eurasia.land.ru/txt/sotsio/117.html>.
11. Mannheim K. *Ideologiya i utopiya* [Ideology and utopia]. Moscow, 1992, part 1, 245 p.
12. Marks K. K. *Kritike gegelevskoy filosofii prava. Vvedenie* [Critique of Hegel's philosophy of law. Introduction]. Marks K., Engels F. *Sochineniya* [Marks K., Engels F. Works] Moscow, 1954, 2nd ed., vol. 1, 699 p.
13. Momdzhyan K. Kh. *Sotsialnaya filosofiya. Deyatelnostnyy podkhod k analizu cheloveka, obshchestva, istorii* [Social philosophy. Activity approach to the analysis of man, society and history]. Moscow, 2013, 400 p.
14. Foucault M. *Nadzirat i nakazyvat. Rozhdenie tyurny* [Discipline and punish. The birth of the prison]. Moscow, 1999, 478 p.
15. Hume D. *Traktat o chelovecheskoy prirode* [A treatise of human nature]. Moscow, 1996, 733 p.

ФЕНОМЕН ГЛОБАЛИЗАЦИИ В КУЛЬТУРНОМ И ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ КОНТЕКСТЕ

Рахинский Дмитрий Владимирович, кандидат философских наук, доцент
Красноярский государственный аграрный университет
Российская Федерация, 660017, г. Красноярск, пр. Мира, 90
E-mail: siridar@mail.ru

Рассматриваются возможности раскрытия содержания, форм и динамики развития общественных структур на различных уровнях и исторических этапах. В ходе анализа используются культурологический и цивилизационный подходы. Доказывается, что глобализация осуществляется в культурном и цивилизационном контексте и оказывает на эти явления общественной жизни самое непосредственное влияние. Рассмотрение глобального человечества в качестве фрактала открывает принципиально новые возможности для понимания целостности фрагментарно устроенного мира. Показано, что примером цивилизованного отношения к собственной истории могут быть некоторые западные страны, которые целенаправленно пропагандируют в обществе традиционные ценности и патриотизм, при этом не допуская возможностей иного осмысления своей исторической парадигмы. Подобный подход является одним из важных причин их политического и экономического благосостояния. Выясняется, что для полноценного исследования глобализации в цивилизационном и культурном контекстах важно учитывать, что неореалистский вариант исторического познания предусматривает сначала некоторый идеальный проект истории, предполагающий всеобщие для всех времен и народов закономерные исторические фазы, общественно-экономические формации, и, соответственно, исторические события раскладываются по «ячейкам» этих формаций и фаз.

Ключевые слова: цивилизация, глобализация, консенсус, информатизация, информация, глобальный мир, социальные ценности, исторический факт, социальная память, реальность

THE PHENOMENON OF GLOBALIZATION IN THE CULTURAL AND CIVILIZATIONAL CONTEXT

Rakhinskiy Dmitry V., Ph.D. (Philosophy), Associate Professor
Krasnoyarsk State Agrarian University
90 Mira Ave., Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation
E-mail: siridar@mail.ru

This article discusses the possibility of disclosure content, forms and dynamics of social structures at various levels and stages of history. The analysis uses a cultural and civilizational approaches. It is proved that globalization is in cultural and civilizational context and has on these phenomena of social life, the most immediate impact. Consideration of global humanity as a fractal opens new possibilities for understanding the integrity of fragments established world. It is shown that the example of civilized attitude to one's own history can be some of the western countries that purposefully promote in society the traditional values and patriotism, while avoiding the possibilities of a different understanding of its historical paradigm. This is one of the important reasons for their